

К ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ

Городское население Золотой Орды

Этническая история ряда современных народов Восточной Европы, Средней Азии и Казахстана неразрывно связана со средневековым золотоордынским государством. Немаловажную роль в политической и экономической жизни Золотой Орды играли города, которые были построены по повелению золотоордынских ханов руками ремесленников, вывезенных в центральные области государства из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма, Волжской Болгарии. В Поволжье известны такие крупные политико-экономические и торговые городские центры как Сарай-ал-Махруса (Старый Сарай, Селитренное городище), Сарай-ал-Джедид (Новый Сарай, Царевское городище), Увек (Укек), Бельджамен (Водянское городище); на Северном Кавказе – Маджары, Верхний Джулат; в Северном Казахстане – Сарайчик. Этими названиями список городских центров Золотой Орды далеко не исчерпывается (Егоров В.Л., 1969; 1985). Расцвет золотоордынских городов в Поволжье приходится на XIV век.

Археологическое изучение золотоордынских городищ насчитывает уже вековую историю. Наряду с жилыми, хозяйственными и производственными комплексами раскапывались и городские кладбища, где было вскрыто около 1000 погребений.

Исследователи не раз отмечали, что мусульманские городские некрополи, несмотря на закономерное отсутствие в могилах вещевого инвентаря, все же содержат материал, позволяющий в определенной мере судить о социальной, этнической, а также об антропологической структуре населения (Геллах Г.Ф., 1956; Поляков Ю.П., 1973; Халикова Е.А., 1976; Яблонский Л.Т., 1978; 1980а).

Круг проблем, возникающих при детальном исследовании мусульманских городских некрополей Золотой Орды, необычайно широк. И это

неслучайно. Золотоордынское государство, распространившее влияние на огромные территории, объединило под своей властью целый конгломерат народностей, стоявших подчас на разных ступенях исторического развития. Не был единым и антропологический тип населения Золотой Орды. Еще с глубокой древности Волго-Уральский и Западно-Казахстанский регионы входили в зону антропологических контактов представителей двух больших рас – европеоидной и монголоидной. На протяжении тысячелетий процессы механического смешения здесь сопровождались процессами этнической и антропологической диффузии. Так было в эпоху бронзы, когда Волго-Уральский регион стал ареной взаимодействия носителей срубной и андроновской культур. Так было в эпоху становления культур сарматского типа, когда в результате сложных механизмов миграций и инфильтраций антропологический тип “восточных европеоидов” распространился из Южного Приуралья на запад, на территорию Нижнего Поволжья (Балабанова М.А., 2000), и на юг, в оазисы Средней Азии и Казахстана (Яблонский Л.Т., 1999). Так было накануне монгольского нашествия, в период образования Волжской Болгарии (Герасимова М.М. и др., 1987, с.239).

В этом контексте монгольское нашествие в степи Восточной Европы можно рассматривать как один из эпизодов в истории этих процессов. Миграция восточных кочевников не изменила существенно образом состояние антропологического покрова в Поволжье и Казахстане, но усиление монголоидного компонента в степях Восточной Европы, по сравнению с домонгольской эпохой, представляется несомненным (Герасимова М.М. и др., 1987, с.241-242).

Не случайно поэтому в науке давно обсуждается проблема возможности выявления на городских некрополях Золотой Орды погребений, принадлежавших этническим монголам¹. Долгое время

---

¹ В связи с образованием этнонимов “монголы” и “татары” Н.Ц.Мункуев пишет: “Этноним «татары» сначала в Китае, а затем и в Европе применялся по отношению ко всем монгольским племенам, хотя он и означал только часть восточно-монгольских племен. Впоследствии, после образования империи Чингиз-хана, то же самое случилось с этнонимом «монголы», причем оба термина, по свидетельству Рашид-ад-Дина, охотно применялись как самоназвание различными монгольскими, а иногда даже не монгольскими племенами ввиду господствующего положения татар и монголов” (Мункуев Н.Ц., 1977, с.402). Г.А.Федоров-Давыдов отмечал, что “татары” – этноним, которым соседние народы в XIII в. называли монгольскую правящую аристократию в Дешт-и-Кыпчак. Потом так стали называть всех кочевников Золотой Орды (Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с.173).

не удавалось археологически выделить собственно монгольский погребальный обряд в Поволжье. Л.П.Зяблин в связи с этим выдвинул в свое время тезис о немногочисленности этнических монголов в составе золотоордынского населения (Зяблин Л.П., 1955). Для подтверждения этого тезиса автор привел убедительные археологические данные и исторические свидетельства. Сведения о немногочисленности завоевателей содержатся также в работах В.В.Бартольда (1928), А.Ю.Якубовского (1932), Г.А.Федорова-Давыдова (1966). Известный у монголов обычай тайного захоронения, по мнению Л.П.Зяблина, также затрудняет попытки поиска их погребений.

Г.А.Федоров-Давыдов, который провел детальный анализ погребального обряда кочевого населения средневекового Поволжья (Федоров-Давыдов Г.А., 1966), отмечал, что в эпоху монгольского завоевания в мусульманских погребениях прослеживается целый ряд признаков, происхождение которых можно было бы связывать с монголами. К таковым относятся, например, наличие подбоев в могильных ямах, находки характерных головных уборов типа “бокка”, обнаруженные в некоторых погребениях, антропоморфные бронзовые фигурки, северная ориентировка захороненных. Однако, как указывает автор, все эти признаки статистически не связываются в единый комплекс и выступают независимо друг от друга (Федоров-Давыдов Г.А., 1966).

Средневековые путешественники-европейцы при описании внешнего облика завоевателей-монголов отмечают, прежде всего, те черты их внешности, которые отсутствуют у них самих – сильную уплощенность лица и другие признаки, позволяющие определить их как монголоидные, характерные для представителей большой монголоидной расы (о термине см.: Антропологический словарь, 2003, с.162-163). Так, например, Дж.Плано Карпини пишет: “Внешний вид лиц [монголов – Л.Я.] отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул, нос у них плоский и небольшой, глаза маленькие и ресницы приподняты до бровей ... Борода у всех почти вырастает маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волосы, которые они отнюдь не стригут” (Путешествия в восточные страны ..., 1957, с.26). А вот как монголы описываются в средневековых армянских источниках (армяне – резко выраженные европеоиды): “Они были широкоплечие, с мускулистыми руками, большеголовые, с гладкими и взъерошенными волосами, узкоглазые, широколобые, плосконосые и редкородые” (цит. по: Галстян А., 1960, с.5).

Отечественные палеоантропологи уже давно и не раз выделяли в золотоордынских краниологических сериях черепа, имеющие ярко выраженные монголоидные особенности (Дебец Г.Ф., 1932; 1936; 1948; Трофимова Т.А., 1936; 1949; 1956; Залкинд Н.Г., 1972). Однако, как известно, монголоидный антропологический тип фиксируется в Поволжье и в дозолотоордынское время. Этот факт заставляет предполагать, что далеко не во всех случаях монголоидный элемент в составе собственно золотоордынского населения должен быть связан именно с монгольским нашествием. Он может иметь и более древние корни.

Трудности, возникающие при выявлении погребений собственно монголов из массы остальных, связаны, прежде всего, с методическими сложностями их атрибуции в условиях крайней антропологической неоднородности людей, захороненных в могилах, которые выполнены в целом по единым мусульманским канонам.

При этом характерной чертой мусульманского погребального обряда горожан Золотой Орды является конструктивное разнообразие надмогильных сооружений и погребальных камер. Это разнообразие настолько велико, что создание типологической схемы погребального обряда возможно лишь с применением статистических методов (Яблонский Л.Т., 1975).

Отмечалось, что разнотипность погребального обряда была обусловлена влиянием целого ряда факторов, действующих по отдельности или в комплексе. Важнейшими из них являются, по видимому, социальное положение умершего, его этническое происхождение, степень исламизации социального слоя, к которому он принадлежал. Так, например, очевидно, что различия между погребениями в богатых кирпичных склепах, с одной стороны, и простыми грунтовыми могилами без перекрытия, с другой, связаны, в том числе, с социальным расслоением городского общества. Погребения в склепах составляют на мусульманских городских некрополях лишь 7,4%, а погребения в простых могилах без перекрытия – 56% от общего числа исследованных. Эти цифры в какой-то мере отражают количественное соотношение богатых и малоимущих социальных групп.

В плане возможностей выделения обряда, который можно было бы связать с этнонимом “монголы”, заслуживают особого внимания два типа погребального обряда. Это 1) погребения в кирпичных склепах и 2) погребения в могилах с подбоем. Именно монголы на первых порах существования золотоордынского государства составляли социальную верхушку населения (Федоров-Давыдов Г.А., 1973). Поэтому логично предположить, что погребения в конструктивно сложных кирпич-

ных склепах под массивными надгробиями могут иметь к ним какое-то отношение.

Но именно в подбое, по свидетельству Джузджани, был похоронен хан Бату (Тизенгаузен В.Г., 1884). Погребения в могилах с подбоями встречены, в том числе, на мусульманских некрополях Водянского (Бельджамена) и Селитренного (Сарай-ал-Махруса) городищ.

По данным Г.А.Федорова-Давыдова, в период монгольского завоевания количество погребений с подбоями в степи резко возрастает (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Наши исследования показали, что процент могил с подбоями на городских некрополях не так уж высок – 11,3% от общего числа учтенных погребений, что не расходится с данными об относительной немногочисленности этнических монголов в городах. При этом приходится иметь в виду, что в плане выявления погребений монголов оба отмеченных типа погребального обряда сами по себе абсолютного значения не имеют. Среди имущих горожан могли быть, например, представители мусульманских священнослужителей, большинство которых, судя по письменным источникам, составляли выходцы из Хорезма (Тизенгаузен В.Г., 1884). Погребения же с подбоями были распространены в степи и в домонгольское время, они являлись традиционными для местного населения, по крайней мере, с эпохи раннего железного века (Дворниченко В.В., Кореняко В.А., 1989).

Эти обстоятельства диктуют задачу: попытаться связать типы погребального обряда с комплексом краниологических признаков захороненных и затем найти место этих комплексов в исторической реальности. Задача осложняется тем, что весь накопленный краниологический материал свидетельствует об исключительной пестроте антропологического состава городского населения Золотой Орды. За гетерогенностью населения стоит, по-видимому, и его этническая неоднородность (Дебеч Г.Ф., 1932; 1936; 1948; Трофимова Т.А., 1936; 1949; 1956; Залкинд Н.Г., 1972; Алексеев В.П., 1967; 1974; Постникова (Рудь) Н.М., 1967; 1970; 1973; Яблонский Л.Т., 1978; 1979; 1980а).

Большинство крупных мусульманских городских некрополей Золотой Орды возникло не ранее кон. XIV века. К этому времени все еще проявляется резкий синкретизм в погребальном обряде. Лишь постепенно в результате ханской политики всеобщей исламизации золотоордынского населения происходит определенная нивелировка погребальных ритуалов. Параллельно идет процесс антропологической метисации исходно разноэтничного и гетерогенного городского населения. Все эти явления привели к тому, что мы практически не располагаем возможностями определенно связать какой-либо из типов погребального обряда с

каким-либо этнонимом, а какой-то из этнонимов – с преимущественным антропологическим типом погребенных.

Оказалось, что связь между типом погребального обряда и комплексом краниометрических признаков может проявиться лишь в виде вероятностных, статистических тенденций. В качестве приема сопоставления типов обряда с краниометрическими признаками был выбран метод вычисления непараметрического показателя силы влияния в однофакторном дисперсионном комплексе (Плохинский Н.А., 1970). Ранжированные (качественные) краниометрические признаки “раскладываются” по типам погребального обряда. Достоверность влияния между признаком и типом обряда устанавливается по критерию χ^2 . Такое сопоставление проводилось на материалах двух основательно изученных археологических памятников – некрополей Водянского и Селитренного городищ. Селитренное городище (Сарай-ал-Махруса, Сарай-Бату) расположено на левом берегу р.Ахтубы, в 140 км выше Астрахани. До сер. XIV в. город являлся официальной столицей Золотой Орды. Водянское городище, которое археологи связывают с известным по письменным источникам г.Бельджаменом (Егоров В.Л., Полубояринова М.Д., 1974), находится на правом берегу р.Волги, в 30 км выше Волгограда. В XIV в. город был крупным торгово-экономическим центром государства.

Краниологическая серия из некрополя Водянского городища состоит из 32 мужских и 32 женских черепов. Основные краниометрические характеристики серии опубликованы (Яблонский Л.Т., 1978; 1979; 1980а). Для сопоставления с типами обряда были выбраны признаки, характеризующие угол выступания носа и индекс горизонтальной профилировки лицевой части черепа, составленный из полусуммы назомаллярного (Март. 77) и зигомаксиллярного (Март. Zm¹) углов (эти углы демонстрируют степень уплощенности лицевого скелета на верхнем и среднем уровнях).

В результате подсчетов выявилась следующая тенденция: люди, захороненные в погребениях с подбоями, статистически достоверно отличаются от остальных малым углом выступания носа и большим значением индекса горизонтальной профилировки, то есть комплексом, характерным именно для представителей большой монголоидной расы (Яблонский Л.Т., 1978).

Для проверки этих данных был использован другой статистический прием – вычисление коэффициентов качественной корреляции. Погребения с подбоем и в этом случае дали положительную и статистически достоверную связь с малым углом носа погребенных, с большим зигомаксиллярным углом, со средним назомаллярным углом, с лопато-

образностью резцов (монголоидный одонтологический признак). Результаты предыдущего анализа подтвердились.

Таким образом, для некрополя Водянского городища намечается тенденция связи между признаком “подбой” и комплексом краниологических признаков, характеризующим представителей большой монголоидной расы. При этом признак “кирпичный склеп” на Водянском некрополе вообще не коррелирует с определенными краниологическими признаками. По-видимому, при формировании данного типа обряда на некрополе Водянского городища решающее значение имел не этнический фактор, а именно социальный (Яблонский Л.Т., 1980в). Представление об антропологическом облике носителей европеоидного антропологического компонента в Бельджамене дает реконструкция лица по черепу, приведенная на рис.1².

Иные результаты были получены при обработке материалов некрополя Селитренного городища. В краниологическую серию здесь вошло 103 мужских черепа и 86 женских. Измерения опубликованы (Яблонский Л.Т., 1979). Способ коннексии краниометрических признаков и погребального обряда аналогичен тому, который был применен при исследовании материалов с некрополя Водянского городища.

Большая численность выборки позволила расширить программу сопоставления. Помимо угла выступления носа (Март. 75/1) и индекса горизонтальной профилировки лица, с типами обрядов сопоставлялись два модуля черепной коробки. Модуль I представляет собой среднюю геометрическую трех тотальных диаметров черепной коробки. Он в определенной степени характеризует размеры мозговой коробки черепа. Модуль II – это частное от деления высотного диаметра черепа (Март. 17) на среднюю геометрическую величину продольного (Март. 1) и поперечного (Март. 8) диаметров. Он хорошо дифференцирует черепа по относительной высоте мозговой коробки.

Оказалось, что погребенные в склепах на некрополе Селитренного городища достоверно отличаются от остальных (рис.2, 3) относительно малым углом выступления носовых костей (рис.4). Если суммировать полученные данные, то увидим, что люди, погребенные в склепах Селитренного, отличались от остальных не только малым углом выступления носовых костей, но и относительно большей по размерам мозговой коробкой, а также более низким, чем у прочих, черепом, то есть тем комплексом краниологических признаков, который характеризует представителей большой монголо-

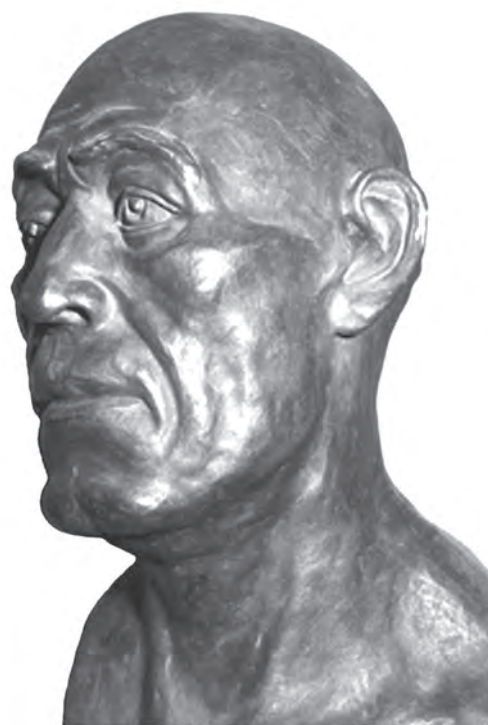

Рис. 1. Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Водянского городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 1. Reconstruction of a man's face by his skull from the Vodianskoie hillfort necropolis. Made by L.T.Yablonskii

идной расы. По величине модуля I черепной коробки они попадают в группу современных узбеков и киргизов, а по модулю II близки к киргизам и монголам. Наблюдается вполне определенная тенденция к захоронению в богатых погребениях людей именно монголоидного облика.

Важно отметить, что на некрополе Селитренного городища погребенные в могилах с подбоями по своему физическому облику тяготеют к европеоидному элементу населения (рис.2), а не к монголоидному, как это было в некрополе Водянского городища. По-видимому, обычай сооружения подбоя в могиле в Старом Сарае сложился под воздействием ислама. Мусульманские каноны предполагают необходимость сооружения подбоя-ляхда в могиле. Лицо погребенного при этом должно быть обращено “на кыблу” – в сторону Мекки. На Селитренном городище это географически соответствует южному направлению. Чтобы осуществить такое направление, средневековые мусульмане часто укладывали умершего в могиле в положении с разворотом на

² Здесь и далее реконструкции выполнены по методу М.М.Герасимова.

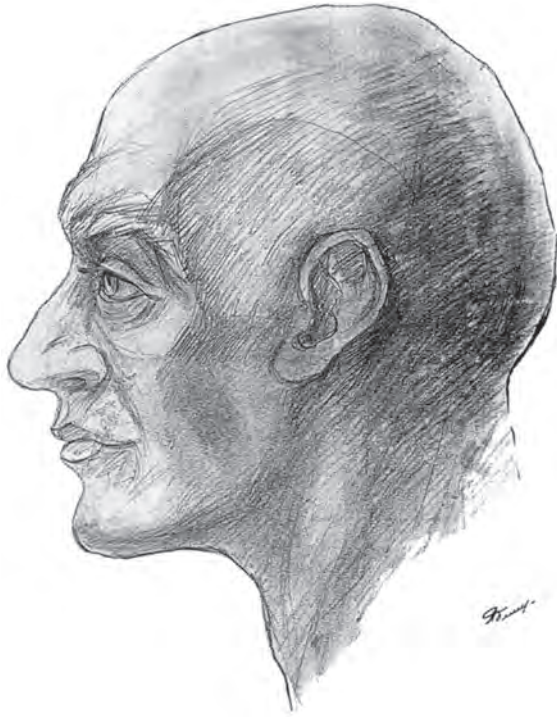

Рис. 2. Реконструкция лица по черепу мужчины из подбойного захоронения некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 2. Reconstruction of a man's face by his skull from a burial in a niche of the Selitrennoie hillfort necropolis. Made by L.T.Yablonskii

правый бок. При выявлении устойчивых типов погребального обряда некрополя Селитренного городища выяснилось, что только обряд погребения в подбоях во всех отношениях удовлетворяет требованиям ислама (Яблонский Л.Т., 1980в).

В связи с этим было бы логично, на наш взгляд, предположить, что основу городской прослойки, оставившей на некрополе Сарая-Бату могилы с подбоями, должны были составлять люди, попавшие сюда из среднеазиатских областей, в первую очередь из Хорезма (антропологически они принадлежали в целом к большой европеоидной расе). Именно в Хорезме мусульманство распространилось и окрепло задолго до прихода туда монгольских завоевателей. В процессе мусульманизации исходно разноэтничного золотоордынского населения, судя по данным письменных источников, самую активную роль сыграли именно хорезмийские имамы (Тизенгаузен В.Г., 1884). Хорезмийцы (европеоиды) должны были составлять значительную часть городского ремесленного населения в Золотой Орде (Греков Б.Д., Якубовский А.Ю., 1950). Европеоидный облик демонстрирует, в частности,

один из захороненных в мавзолее Селитренного некрополя (рис.3). Прежде всего, с хорезмийцами, видимо, следует связывать хорошо оформленный, устойчивый мусульманский погребальный обряд и захоронения в монументальных кирпичных мавзолеях под надгробиями-мастабами.

Таким образом, выводы, полученные в результате обработки материалов двух некрополей – Сарая-Бату и Бельджамена, не идентичны. Очевидно, социально-этнические процессы в среде городского населения Золотой Орды в столице государства и за ее пределами проходили не совсем одинаково.

Специальные исследования показали, что антропологический состав жителей обоих городов не был единым (Яблонский Л.Т., 1979; 1980а). К началу XV в. большую часть горожан Золотой Орды составляли люди смешанного (европеоидно-монголоидного) типа (рис.5), физически напоминающие современных представителей южно-сибирского антропологического комплекса. При этом определенно преобладал европеоидный компонент. Судя по всему, как в провинции, так и в столице золо-

Рис. 3. Реконструкция лица по черепу мужчины из мавзолея Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 3. Reconstruction of a man's face by his skull from the mausoleum of Selitrennoie hillfort. Made by L.T.Yablonskii

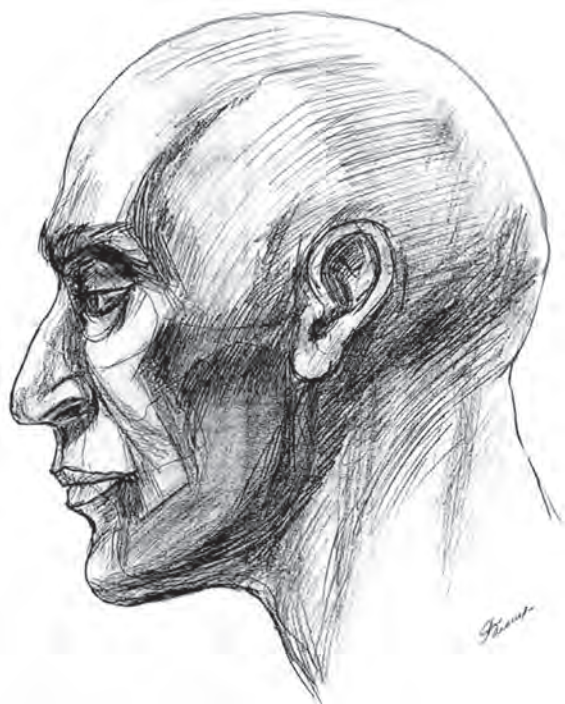

Рис. 4. Реконструкция лица по черепу мужчины из склепа некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 4. Reconstruction of a man's face by his skull from a burial vault of the Selitrennoe hillfort necropolis. Made by L.T.Yablonskii

тоордынского государства, процесс антропологического смещения шел в направлении ассимиляции завоевателей-монголов. Антропологическая и этнокультурная ассимиляция в городском обществе развивалась бурными темпами и привела к нарушению, а затем и к полному исчезновению социальной и этнической замкнутости захватчиков.

Однако по сравнению с Бельджаменом этот процесс в столице имел некоторые особенности, нашедшие достаточно четкое отражение в материалах некрополя Сарая-Бату. Во-первых, на некрополе Сарая-Бату погребальный обряд более унифицирован. К концу XIV в. здесь складываются устойчивые типы погребального обряда как в высших, так и в прочих социальных слоях населения (погребения в склепах и в могилах с подбоями). По-видимому, исламизация горожан в столице проходила более быстрыми темпами. Сказывалось не только давление центральных властей, но и географическая приближенность Сарая-Бату к среднеазиатским центрам мусульманской цивилизации.

Во-вторых, погребения в склепах некрополя Селитренного городища имеют достаточно опре-

деленную связь с монголоидным компонентом населения. В Бельджамене эта связь весьма завуалирована. Здесь прослеживаются лишь отголоски изначальной традиции хоронить людей монголоидного облика в богатых склепах, в мавзолеях, на почетных участках кладбища, в мечети (Яблонский Л.Т., 1980а). Очевидно, в столице завоеватели в течение более длительного времени сохраняли свою социальную и этническую обособленность. Там их, вероятно, было численно больше, и они имели больший социальный вес.

В-третьих, погребения в могилах с подбоями получили чрезвычайно широкое распространение на некрополе Сарая-Бату (Сарай-ал-Махруса), в то время как в Бельджамене они встречаются лишь в редких случаях.

В Бельджамене люди, погребенные в подбоях, отличались от остальных выраженным комплексом монголоидных признаков. В Сарая-Бату в могилах с подбоем захоронены по большей части брахикранные (круглоголовые) европеоиды (рис.2). Здесь в основе формирования этого погребального обряда лежат уже не этнические традиции какой-то группы

Рис. 5. Реконструкция лица по черепу мужчины из подбойного захоронения некрополя Селитренного городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 5. Reconstruction of a man's face by his skull from a burial in a niche of the Selitrennoe hillfort necropolis. Made by L.T.Yablonskii

городского населения, как это было в Бельджамене. Подчеркивается религиозная и, вероятно, социальная общность представителей разных этнических групп.

Таким образом, анализ палеоантропологических материалов позволяет предполагать, что монгольское нашествие изменило не только политический строй и социальную структуру покоренных народов, но в определенной мере все же повлияло на их антропологический облик. Особенно большие изменения произошли в тех группах населения, которые осели в построенных золотоордынскими ханами городах. Хотя представителей собственно монголов в них было немного (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Это дает основания предполагать, что роль пришлых народов в формировании физического облика золотоордынцев была далеко не равнозначной в отдельных районах государства. Выводы, полученные в результате сопоставления данных по некрополям Водянского и Селитренного городищ, подкрепляют этот тезис.

Определенная неравномерность археологического исследования золотоордынских некрополей существенным образом повлияла на качественную и количественную характеристику краниологических серий. Все же анализ и сопоставление краниологических материалов, происходящих из этих памятников, позволяют составить более полное представление об антропологическом составе городского населения Золотой Орды, помогают оценить роль монголов в формировании физического облика золотоордынского населения в отдельных районах государства, занимавшего обширную территорию.

Нами был проведен межгрупповой статистический анализ по методу Пенроуза (Алексеев В.П., 1974). В качестве сравнительного материала были использованы следующие золотоордынские серии: Болгарское городище ("Четырехугольник", Среднее Поволжье, правый берег) (Постникова (Рудь) Н.М., 1970); Увек (Нижнее Поволжье, правый берег) (Дебец Г.Ф., 1932; Трофимова Т.А., 1936); Водянское городище (Бельджамен, Нижнее Поволжье, правый берег) (Яблонский Л.Т., 1978; 1979; 1980а); Царевское городище (Сарай-ал-Джедид, Сарай Берке, Новый Сарай, Нижнее Поволжье, левый берег) (Залкинд Н.Г., 1972); Селитренное городище (Сарай-ал-Махруса, Старый Сарай, Нижнее Поволжье, левый берег) (Яблонский Л.Т., 1979); кочевники Нижнего Поволжья (Калмыцкая степь, правый берег) (Дебец Г.Ф., 1948); половцы (Нижнее Поволжье, правый берег) (Залкинд Н.Г. 1972); городище Хан-Тюбе (Нижнее Поволжье, правый берег) (Шевченко А.В., 1980); Миздахкан (Южное Приаралье, Хорезм) (Ходжайов Т.К., 1969; Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К., 1970); Сарайчик (Северный

Рис. 6. Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя у стен Царевского городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 6. Reconstruction of a man's face by his skull from the necropolis at the walls of Tsarev hillfort. Made by L.T.Yablonskii

Казахстан) (Гинзбург В.В., Залкинд Н.Г., 1955; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972); Маджары (Северный Кавказ, Краснодарский край) (Алексеев В.П., 1967а; 1974); Верхний Джулат (Северный Кавказ) (Алексеев В.П., 1964).

Характерной особенностью всех сравниваемых краниологических серий является брахикrania (круглоголовость), а также уплощенность лицевого скелета черепов на верхнем уровне (назомаллярный угол). Более уплощенными на этом уровне оказываются черепа из степных курганов Нижнего Поволжья, из Сарайчика и половецкие. В этих сериях назомаллярный угол превышает 145° . Наблюдаются некоторые различия по зигомаксиллярному углу (степень уплощенности на среднелицевом уровне). По довольно высокой степени уплощенности лица на этом уровне выделяются черепа кочевников, половецкие и черепа из Хан-Тюбе.

По высоте свода различия между черепами почти во всех случаях незначительны. Лицевая часть черепов высокая и широкая. Исключение составляют волжские болгары. Более узкая ли-

цевая часть, по сравнению с другими, у черепов из Миздахкана. По-видимому, здесь сказывается большая доля присутствия представителей средиземноморской расы и расы среднеазиатского междуречья. Относительно широким лицом отличается население нижневолжских степей, Царевского городища, Сарайчика. Любопытно при этом, что погребенные у стен царевского городища, которых Г.А.Федоров-Давыдов рассматривал в качестве перешедших к оседлости половцев, характеризовались европеоидным в целом обликом (Залкинд Н.Г., 1972, рис.6).

Таким образом, по форме и размерам мозговой коробки все сравниваемые черепа обнаруживают сходство. Но по степени уплощенности лицевого скелета черепов прослеживаются определенные различия. Наименьшие абсолютные значения угла выступания носовых костей отмечаются в сериях из Сарайчика и Водянского городища, наибольшие – на черепах половцев (!) и из приаральского Миздахкана.

В целом складывается впечатление о значительном антропологическом сходстве населения нижневолжских городов – Старого и Нового Сараев, Увека, Бельджамена. В облике всех средневековых кочевников Нижнего Поволжья наблюдается сдвиг в сторону монголоидности, а у населения Болгара – в сторону европеоидности (рис.7, 8).

Сравнительные материалы свидетельствуют о том, что на всей территории Золотой Орды население городов по своему антропологическому облику было пестрым, в этом отношении сходным, но в межгрупповом отношении не идентичным. Намечаются отдельные локально-географические сочетания краниологических признаков, которые встречаются в различных комбинациях.

Суммарные расстояния между краниологическими сериями в графическом выражении представлены на рис.9. Очень близкое морфологическое сходство с городскими нижневолжскими черепами обнаруживает серия из Хан-Тюбе. И это не удивительно, так как это поселение находилось вблизи от городских центров Нижней Волги и имело с ними тесные культурно-экономические и, видимо, иные связи.

Сходны с нижневолжскими черепа хорезмийцев из Миздахкана, черепа болгар из кладбища “Четырехугольник”. Население раннесредневекового Хорезма и европеоидный брахикранный компонент нижневолжской популяции по комплексу признаков можно, видимо, отнести к единому расовому типу, а именно к расе среднеазиатского междуречья (в ее северном варианте). Кроме того, следует иметь в виду реальную возможность присутствия в составе населения городов средневекового Поволжья значительного числа переселенцев

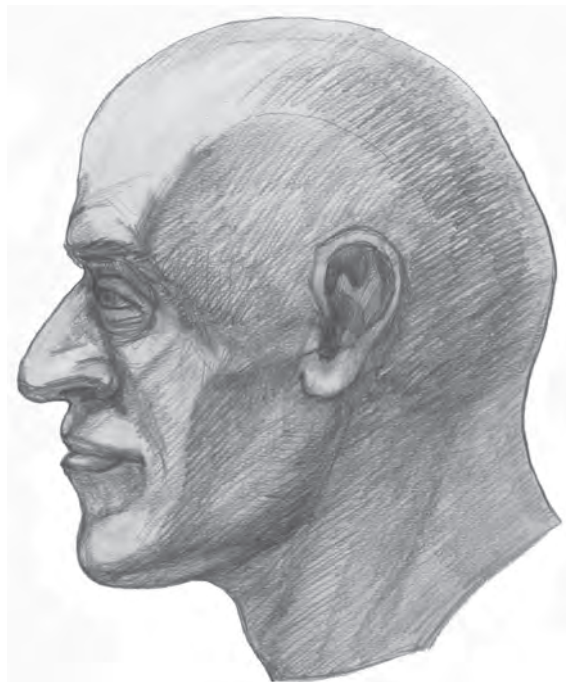

Рис. 7. Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Болгарского городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 7. Reconstruction of a man's face by his skull from the necropolis of Bolgar hillfort. Made by L.T.Yablonskii

из хорезмийских областей. То же можно сказать и о волжских болгарях, принявших активное участие в жизни золотоордынских городов.

Исследования с использованием других методов межгруппового краниологического анализа (Ефимова С.Г., 1983, с.18) показали, что некоторые серии Волжской Булгарии (Большегетарханский, Кайбельский, Семеновский II, Измерский могильники, могильник “Четырехугольник”) обнаруживают сходство с выборками салтово-маяцкой культуры и Хазарии, а в более позднее время – с городским населением Золотой Орды (ср.: рис.2 и рис.7, 8).

Серия черепов из Сарайчика и половецкая серия оказываются равноудаленными от нижневолжской. Эти данные подтверждают предположение о половецкой основе населения Сарайчика (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972). В то же время кажется малопонятной такая отдаленность половецкой серии от нижневолжской. Ведь все археологические, исторические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что осевшие в золотоордынских городах половцы должны были составлять значительный процент горожан. Вероятно, в нижневолжских городах процесс смешения шел активнее, чем на окраинах Золотой

Рис. 8. Реконструкция лица по черепу мужчины из некрополя Болгарского городища. Работа Л.Т.Яблонского

Fig. 8. Reconstruction of a man's face by his skull from the necropolis of Bolgar hillfort. Made by L.T.Yablonskii

Орды. К концу XIV в. он мог привести к антропологической нивелировке половцев, проживавших в городах. Процесс этнического смешения в среде городского населения отчетливо прослеживается и на археологическом материале (Федоров-Давыдов Г.А., 1966). Надо учитывать также и то обстоятельство, что половцы представлены в наших материалах очень небольшой выборкой, происходящей из одного могильника. Антропологический тип этой группы специфичен – у нее уплощенность в горизонтальной профилировке лицевого скелета черепа сочетается с довольно большим углом выступания носа (рис.6). Такое сочетание признаков встречается в Волго-Уральском регионе задолго до образования Золотой Орды. При этом из письменных источников известно 11 наименований половецких племен. И есть основания предполагать, что антропологический состав этих племен не был единым (Ахинжанов А.Е., 1976). Проблема физического типа половцев может быть решена только в процессе дальнейшего накопления краниологического материала.

Достаточно показательны различия между городской нижневолжской и степной кочевнической сериями. В наших материалах средневековые кочевники представлены довольно многочисленной выборкой. Черепа происходят из могильников, расположенных в калмыцких степях. Выше упоминалось, что кочевническая серия обнаруживает заметный сдвиг в сторону монголоидности. Именно это и обеспечило ее отдаленность от суммарной серии нижневолжских городов. Значительную часть кочевников в Дешт-и-Кыпчак должны были составлять группы, пришедшие на Волгу вместе с монгольскими войсками. И если население золотоордынских городов пополнялось, в основном, за счет свезенных из областей с развитыми традициями оседлости ремесленников, то степи заселялись, в первую очередь, номадами, для которых, как известно, кочевой образ жизни был привычнее, соответствовал их традиционному хозяйственному укладу. Именно этим, по-видимому, объясняется явление, уже давно отмеченное Г.Ф.Дебецом, – если в золотоордынских городах преобладали европеоиды, то у населения Степи, напротив, фиксируется повышенная доля монголоидного компонента (Дебеч Г.Ф., 1948, с.272). О том, что степное население Золотой Орды по форме мозговой коробки и по размерам лицевого скелета черепа сближается с монголоидами Сибири (рис.5.), писал В.П.Алексеев (1967а).

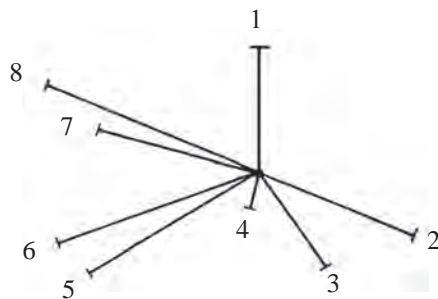

Рис. 9. Суммарные расстояния между краниологическими сериями некоторых пунктов Золотой Орды (суммарная серия из нижневолжских городов помещена в центр расхождения лучей): 1 – Болгар; 2 – Сарайчик; 3 – Миздахкан; 4 – Хан-Тюбе; 5 – Верхний Джулат; 6 – Маджары; 7 – половцы; 8 – кочевники Нижнего Поволжья (степные курганные могильники)

Fig. 9. Total distances between the craniological series of some places of the Golden Horde (a total series from the Lower Volga towns is placed in the center of beams divergence): 1 – Bolgar; 2 – Saraychik; 3 – Mizdahkan; 4 – Khan-Tube; 5 – Verkhniy Julat; 6 – Majary; 7 – the Polovtsy; 8 – nomads of the Lower Volga reaches (steppe barrow burial grounds)

Население Волжской Болгарии

Значительные успехи в палеоантропологическом исследовании болгарского населения раннего средневековья и золотоордынского периода достигнуты благодаря работам Г.Ф.Дебеца (1932; 1936; 1948), Т.А.Трофимовой (1936; 1949; 1956), М.С.Акимовой (1964; 1973), М.М.Герасимовой (1956), К.Н.Наджимова (1955), Н.М.Постниковой (Рудь) (1967; 1970; 1973), С.Г.Ефимовой (1983). В этих исследованиях произведен подробный внутри- и межгрупповой анализ городских и сельских болгарских средневековых популяций.

В рамках настоящей статьи наша основная цель сводится к общей сравнительной характеристике особенностей антропологического облика населения Болгара и нижеволжских городов. Для сравнения использованы серии из сельских болгарских могильников и материалы из кочевнических средневековых курганов Нижнего Поволжья. Привлечены также материалы по краниологии современных татар, чувашей, узбеков и казахов. Современные серии помогают оценить межгрупповой масштаб сходства и различий при анализе средневековых популяций.

Серии из некрополей Болгара (Четырехугольник, Малый Минарет, Бабий бугор) опубликованы Н.М.Постниковой (Рудь) (1973; 1978) и Т.А.Трофимовой (1956). Краниологические данные из некрополей нижеволжских городов обработаны автором (Герасимова М.М. и др., 1987). Черепа из сельских болгарских могильников – Кайбельского и Воровского врага – опубликованы М.М.Герасимовой (1956) и суммированы В.П.Алексеевым (1971). Черепа кочевников из нижеволжских курганов измерены Г.Ф.Дебецом (1948) и нами и суммированы автором (Яблонский Л.Т., 1980б). Краниологические материалы по казанским татарам и чувашам обработаны В.П.Алексеевым (1971). Суммарная серия черепов узбеков составлена В.В.Гинзбургом и Т.А.Трофимовой по материалам из городов Узбекистана. В этой же работе опубликована суммарная серия казахских черепов по материалам В.В.Гинзбурга, Н.Г.Залкинд и О.Исмагулова (Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972). Основные краниологические параметры мужских серий из перечисленных некрополей опубликованы (Яблонский Л.Т., 1987, табл.5).

По черепному указателю все серии брахикранные. Исключение составляют черепа из Бабьего бугра, отличающиеся мезокранией за счет присутствия в этой серии значительного количества долихокранных и мезо-долichoкранных вариантов европеоидных черепов. По признакам, характеризующим уплощенность лицевого скелета, выделяются черепа кочевников и казахов. Именно в этих

сериях углы горизонтальной профилировки лица достигают наибольших размеров, а значения углов выступления носа сравнительно малы. Эти же популяции выделяются большими размерами высоты и ширины лица, то есть тем комплексом признаков, который свидетельствует о значительной доле монголоидности. Невелик угол выступления носовых костей и в серии из Измерского могильника, но по прочим параметрам серия практически не отличается от остальных болгарских. Объединяет все серии умеренная брахикрания и более или менее выраженная монголоидная примесь.

Отдельные признаки в разных сериях выступают в мозаичных сочетаниях, что затрудняет сравнительный анализ. Это обстоятельство требует применить какой-то прием суммарного сопоставления, позволяющий оценить степень сходства или различий между отдельными сериями по совокупности признаков. В качестве такого приема был использован способ вычисления расстояний по формуле Пенроуза (Алексеев В.П., 1974).

Сопоставление проводилось по следующим признакам: продольный диаметр (1), поперечный диаметр (8), высотный диаметр (17), наименьшая ширина лба (9), скуловой диаметр (45), верхняя высота лица (48), ширина (51) и высота (52) орбиты, дакриальная (D_s) и симотическая (S_s) высоты, общий лицевой угол (72), угол выступления носовых костей (75/1), назомолярный и зигомаксиллярный углы (77, Zm').

Для указанных серий с использованием данного набора признаков были вычислены расстояния “по форме” и “по величине”, суммарные расстояния, а также средние суммарные расстояния от всех сопоставляемых групп. Наиболее удалены “по форме” от всех групп серии из Бабьего бугра (0,154), кочевническая (0,145) и казахская (0,261). Минимально – серии из могильника у Малого Минарета и Водянского (0,050 и 0,054). Отдаленность кочевнической и казахской серий “по форме” можно объяснить их выраженной монголоидностью. Серия же из Бабьего бугра, напротив, выделяется четко выраженным комплексом европеоидных признаков, сочетающимся с мезокранией черепной коробки.

Та же тенденция сохраняется в значениях расстояний “по величине”. Удаленностью от остальных выделяются те же серии – Бабий бугор (1,017), кочевники (0,860), казахи (0,855) – при минимальной удаленности серии из Измерского могильника (0,411).

То же и в цифрах, отражающих суммарные расстояния (табл.1): Бабий бугор – 0,892, кочевники – 0,742, казахи – 0,642, при минимальном расстоянии от остальных серий из некрополя Селитренного городища – 0,301. Все данные за-

Табл. 1. Суммарные расстояния между сериями

№№ пп	Могильник, группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Четырехугольник	–	0,558	0,628	0,371	0,179	0,265	0,856	0,370	0,145	0,689	0,219	0,223
2	Малый Минарет		–	0,971	0,441	0,588	0,418	0,638	0,313	0,553	0,623	0,352	0,508
3	Бабий бугор			–	0,700	0,913	0,715	1,921	0,546	0,374	1,811	0,791	0,440
4	Кайбельский и Воровской враг				–	0,259	0,084	0,530	0,289	0,201	0,504	0,237	0,373
5	Водянское					–	0,118	0,615	0,281	0,300	0,403	0,090	0,324
6	Селитренное						–	0,465	0,211	0,258	0,330	0,129	0,319
7	Кочевники Нижнего Поволжья							–	0,654	0,693	0,135	0,579	1,071
8	Измерский								–	0,207	0,507	0,229	0,239
9	Казанские татары									–	0,742	0,299	0,121
10	Казахи										–	0,491	0,832
11	Узбеки											–	0,270
12	Чуваши												–
	Среднее расстояние 1	0,409	0,542	0,892	0,363	0,370	0,301	0,742	0,350	0,354	0,642	0,335	0,429
	Среднее расстояние 2	0,328	0,522	0,676	0,329	0,339	0,280	–	0,299	0,273	–	0,291	0,313

ставляют предположить, что в ряду рассматриваемых материалов серии кочевников, казахов и из Бабьего бугра являются инородными и несвязанными происхождением с остальными. На этом основании серии кочевников и казахов были из последующего анализа исключены. Их присутствие в расчетах существенно увеличивает масштабы средних расстояний между группами. В дальнейшем мы будем пользоваться результатами, в которых серии кочевников и казахов участия не принимают (среднее расстояние 2).

“По форме” наиболее типичной в рассматриваемой группе популяций оказываются серии из Четырехугольника, Малого Минарета и измерская, а “по величине” – серия казанских татар, измерская и чувашская. Суммарно наименьшие расстояния от остальных дают казанские татары (0,273), селитренская (0,280), узбекская (0,291) и измерская (0,299) серии при максимальной удаленности и на этот раз серии из Бабьего бугра (0,676).

Среднее суммарное расстояние между тремя современными народами выражается цифрой 0,292, а между тремя сериями из Болгара – 0,509. Таким образом, по физическому облику разные группы жителей Болгара отличались друг от друга даже больше, чем отличаются современные татары, чуваша и узбеки, что еще раз подтверждает антропологическую неоднородность населения города. Причем на абсолютной величине цифры сказывается, прежде всего, фактор неординарности серии из Бабьего бугра.

Гораздо более сходны между собой серии из нижеволжских городов (0,310) и серии сельских болгар из могильников Кайбельского, Измерского и Воровского врага (0,314).

Если перейти к попарному сопоставлению серий, то наибольшее сходство “по форме” отмечается между людьми из могильников Четырехугольника и Измерский, между погребенными Четырехугольника и казанскими татарами, некрополей Водянского и Селитренного городищ, между селитренской и кайбельской сериями. Серия из Бабьего бугра “по форме” приближается только к казанским татарам и сильно при этом удалена от остальных.

Наименьшие попарные значения в расстояниях “по величине” обнаруживают опять же селитренская и водянская серии, селитренская и кайбельская, Четырехугольник и казанские татары, водянская и узбекская серии, казанские татары и северные чуваша.

Наименьшими суммарными расстояниями характеризуются попарно серии из некрополей Водянского и Селитренного городищ (0,118), селитренская и кайбельская серии (0,084), серия из Четырехугольника и казанские татары (0,145), казанские татары и северные чуваша (0,121). Максимально удалены друг от друга серии из Бабьего бугра и Малого Минарета (0,971).

Таким образом, минимальное расстояние между сериями выражено в расчетах цифрой 0,084, максимальное – 0,971. Если этот размах выразить

пятью классами, то в амплитуду очень малых расстояний попадут значения 0,084-0,266 (класс 1), а очень больших – 0,793-0,971 (класс 5). Надо полагать, что различия результатов, оказавшихся в пределах классов 1 и 5, будут реальными, а значения, попавшие в эти амплитуды, – действительными. Значения, попавшие в три средних класса, в расчет не принимаем: разница между ними, очевидно, не реальна.

В группу максимально удаленных популяций попадают серии из Бабьего бугра и Малого Минарета (0,971), Бабьего бугра и узбеков (0,971), Бабьего бугра и Водянского (0,913).

По принципу наименьших суммарных расстояний образуются следующие группы:

1. Четырехугольник – Водянское (0,179) – Селитренное (0,265) – казанские татары (0,145) – узбеки (0,219) – северные чуваша (0,223). Средняя в группе – 0,206.

2. Могильники Кайбельский и Воровской враг – Водянское (0,259) – Селитренное (0,084) – казанские татары (0,201) – узбеки (0,237). Средняя в группе – 0,195.

3. Водянское – Селитренное (0,118) – Четырехугольник (0,179) – Кайбельский и Воровской враг (0,259) – узбеки (0,237). Средняя в группе – 0,162.

4. Селитренное – Четырехугольник (0,265) – Кайбельский и Воровской враг (0,084) – Водянское (0,118) – Измерский (0,211) – казанские татары (0,258) – узбеки (0,129). Средняя в группе – 0,178.

5. Измерский могильник – Селитренное (0,211) – казанские татары (0,207) – узбеки (0,229) – чуваша (0,239). Средняя в группе – 0,222.

6. Казанские татары – Четырехугольник (0,145) – Кайбельский и Воровской враг (0,201) – Селитренное (0,258) – Измерский (0,207) – чуваша (0,121). Средняя в группе – 0,186.

7. Узбеки – Четырехугольник (0,219) – Кайбельский и Воровской враг (0,237) – Водянское (0,090) – Селитренное (0,129) – Измерский (0,229). Средняя в группе – 0,181.

8. Северные чуваша – Четырехугольник (0,223) – Измерский (0,239) – казанские татары (0,121). Средняя в группе – 0,194.

Не вдаваясь в частности, можно отметить, что по принципу наименьших суммарных расстояний образуется группа популяций, представленная пятью средневековыми сериями – Четырехугольник, Кайбельский и Воровской враг, Водянское, Селитренное и Измерский и тремя современными – казанские татары, северные чуваша и узбеки.

Наиболее “типичной” для этой группы популяций оказывается серия из некрополя Селитренного городища – она в различных парных сочетаниях

участвует семь раз. По шесть раз встречаются в связках серии из Четырехугольника и узбекская; по пять раз – черепа татар, из суммарной группы Кайбельского могильника и Воровского врага, из некрополя Водянского городища; по четыре раза – серии из Измерского могильника и чувашская.

В монографии “Происхождение народов Кавказа” В.П.Алексеев (1974) широко используется методом вычисления обобщенных расстояний между популяциями. Автор отмечает, что величина расстояний сама по себе не свидетельствует о генетических взаимоотношениях групп, и адекватная информация получается лишь при удачно сформулированных дополнительных гипотезах. В качестве таковых им предложены две основные: 1) расстояния “по форме” более фундаментально отражают структуру таксономического поля, поскольку соотношения, характеризующие форму, важнее, с таксономической точки зрения, чем абсолютные величины размеров черепа; 2) абсолютная величина расстояний прямо пропорциональна времени дивергенции популяций – чем больше расстояние между популяциями, тем раньше они разошлись в процессе микроэволюции.

С использованием в качестве матрицы табл. 1 была рассчитана дендрограмма для мужских серий (рис.10). Дендрограмма графически отражает суммарные расстояния между сериями, которые по степени морфологического сходства, подразумеваемого генетического родства, объединяются в группы.

Средневековые и современные серии разбиваются при этом на две большие группы популяций, мало связанных, очевидно, между собой своим происхождением. Одну из этих групп составляют кочевники Нижнего Поволжья и казахи, которые оказываются близки по физическому облику. Объединяет их, прежде всего, существенная доля монголоидного компонента. Эта же черта отделяет их от остальных рассмотренных групп.

Вторая группа популяций имеет, скорее всего, общий генетический корень. Особое место в этой группе занимает население, оставившее могильники Бабий бугор и Малый Минарет в Болгаре. Антропологический облик этого населения складывается довольно рано и мало изменяется к Средневековью. Остальные серии второй группы подразделяются на две основные ветви, имеющие общую предковую форму и весьма сходные по комплексу признаков.

Первая состоит из горожан Нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды. Население Водянского городища по физическому облику в целом почти не отличается от современных узбеков. Чрезвычайно сходны черепа из Селитренного и болгарского Кайбельского могильников.

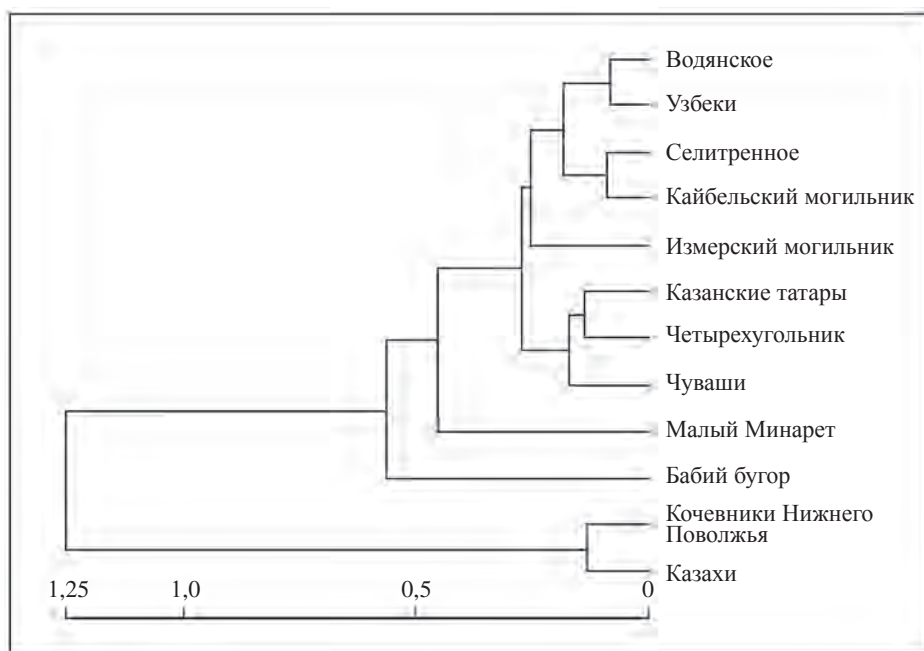

Рис. 10. Обобщенные расстояния между некоторыми средневековыми и современными краниологическими сериями. Дендрограмма

Fig. 10. Generalized distances between some medieval and modern craniological series. A dendrogram

Вторая ветвь представлена одной средневековой (Четырехугольник) и двумя современными сериями – казанскими татарами и чувашами. Казанские татары оказываются генетически связаны со средневековым населением Болгара, оставившим могильник Четырехугольник. Чуваши, занимая несколько обособленное положение в этой группе, все же демонстрируют определенное сходство с обеими средневожскими сериями.

Население, оставившее Измерский могильник, по особенностям антропологического облика оказывается промежуточным между нижевожской и средневожской группами, вместе с тем обнаруживая тяготение к нижевожской.

С учетом всех этих данных можно предполагать, что в основе формирования физического облика таких современных народов, как татары и чувашаи, лежит антропологический пласт, который в Средние века представляло население, оставившее, в частности, городские могильники Четырехугольник в Болгаре, на Водянском и Селитренном городищах и сельские – Кайбельский, Воровской враг и Измерский. Из современных народов Средней Азии наибольшее краниологическое сходство с этим пластом демонстрируют узбеки. Нельзя исключить, что это сходство возникло конвергентно, за счет близких слагающих антропологических компонентов и их смешения. Кочевники степей Нижнего Поволжья сыграли в этом процес-

се гораздо менее заметную роль. Более тесными генетическими связями с ними могут быть объединены казахи.

В свою очередь, основу мусульманского населения средневековых городов Нижнего Поволжья и в значительной части Болгара составили популяции, генетическим происхождением связанные с людьми, оставившими такие могильники, как Кайбельский, Воровской враг и Измерский. Это население антропологически близко к древним сарматским группам и к “зливкинскому” варианту болгарских серий. Оно в целом относится к европеоидной брахикранной расе с небольшой монголоидной примесью, несколько усилившейся в период монгольских завоеваний.

Краниологическая серия из могильника у Бабьего бугра в Болгаре выпадает из этого круга популяций. Не является, видимо, типичной для него и серия из кладбища у Малого Минарета. Люди, захороненные на территории могильника Четырехугольник в Болгаре, обнаруживают большое сходство с населением нижевожских золотоордынских городов как “по форме”, так и “по величине”. С учетом замечания А.П.Смирнова (1959) о “классическом” типе мусульманских погребений Четырехугольника, на наш взгляд, можно высказать предположение о непосредственном присутствии в средневековом Болгаре выходцев из городов Нижнего Поволжья. При этом нельзя отрицать

участия отдельных болгарских групп в составе населения нижневолжских городов, в первую очередь Бельджамена (Водянского городища). Серии из Кайбельского могильника и Четырехугольника дают наименьшие расстояния с водянской серией как “по форме”, так и “по величине”.

На основании изучения погребального обряда городских мусульман можно предположить, что, несмотря на общее сходство, прослеживаются особенности, позволяющие наметить два центра исламизации населения в Поволжье и сопредельных областях. Одним из них являлся город Болгар. Процесс внедрения ислама в широкие массы населения начался в Болгаре даже раньше, чем в золотоордынских городах Нижнего Поволжья. В нижневолжских городах погребальный обряд мусульман в большей степени канонизирован. Можно предполагать непосредственное присутствие в нижневолжских городских центрах переселенцев из Средней Азии.

С.Г.Ефимова (1983), применив в исследовании методику межгруппового краниометрического анализа, отличную от нашей, также пришла к выводу, что часть серий Волжской Болгарии (Большетарханский, Кайбельский, Семеновский II, Четырехугольник, Измерский могильники) обнаруживает сходство с брахикранным мезоморфным, с небольшой монголоидной примесью, краниологическим типом, представленным в средневековом населении салтово-маяцкой культуры, Хазарии, а в более позднее время – в городском населении Золотой Орды.

Антропологические исследования подтверждают вывод Е.А.Халиковой (1978) о вероятной инородности большинства захороненных в могильнике Бабий бугор. Краниологическая серия из этого могильника резко отличается от типичных поволжских и по комплексу признаков, как это убедительно показано С.Г.Ефимовой, сближается с сериями Северного Кавказа эпохи Средневековья.

Можно высказать предположение и о непосредственном присутствии выходцев из нижневолжских золотоордынских городов в составе населения Болгара, и об участии каких-то болгарских групп в процессе формирования населения отдельных нижневолжских городов. В этом отношении данные антропологии подкрепляются материалами погребального обряда.

Обсуждение результатов

Возникновение городских центров средневекового Поволжья связано с историей образования и развития золотоордынского государства. В Золотой Орде, распространившей свое влияние на огромные территории, происходили бурные этни-

ческие процессы, положившие начало формированию многих современных народностей Поволжья, Средней Азии и Казахстана.

Физический облик населения Золотой Орды оформился на основе смешения представителей двух больших рас – монголоидной и европеоидной. Присутствие монголоидного компонента в большей или меньшей степени ощущается в облике жителей всех золотоордынских городов. Тем не менее, у городского населения преобладали в целом европеоидные черты. Доля монголоидного компонента, которая, как известно, фиксируется в южно-русских степях еще в дозолотоордынское время (Дебец Г.Ф., 1948; Трофимова Т.А., 1949; Алексеев В.П., 1971), несколько увеличивается в эпоху Золотой Орды. Это, вероятнее всего, связано с экспансией монголов. Заметим, однако, что исследования современного населения Волго-Уральского региона, проведенные на генетическом уровне, показывают (рис.11), что доля монголоидного компонента у современных татар даже ниже, чем у русских Башкирии (Лимборская С.А. и др., 2002).

Как археологические, так и палеоантропологические материалы свидетельствуют о том, что нашествие восточных племен в наибольшей степени отразилось на формировании физического облика населения Нижнего Поволжья – области, которая являлась административным и политическим центром Золотой Орды. Суммарная серия из некрополей нижневолжских городов отличается от хорезмийской, кавказских и болгарской, прежде всего, именно сдвигом в сторону монголоидности. При этом монгольское нашествие, как это было уже показано на материалах средневекового Поволжья (Трофимова Т.А., 1949) и Казахстана (Исмагулов О., 1970), нельзя рассматривать как массовое переселение в европейские степи с Востока. Мы располагаем историческими свидетельствами о немногочисленности собственно монголов в Дешт-и-Кыпчак и о быстрой утрате ими своей этнической, культурной и антропологической целостности (Тизенгаузен В.Г., 1884).

В целом, рассмотренные палеоантропологические материалы показывают вероятность общности происхождения таких современных народностей Поволжья как казанские татары и чуваша. При этом в их генезисе участвовали и болгарский, и золотоордынский (нижневолжский) антропологический компоненты.

В золотоордынском обществе этнический и социальный статусы сначала были необычайно тесно связаны. Как известно, на первых порах образования золотоордынского государства в его верхних социальных слоях оказались почти сплошь представители монголов, а местная кочевая аристократия была отодвинута на второй план. Однако с ростом

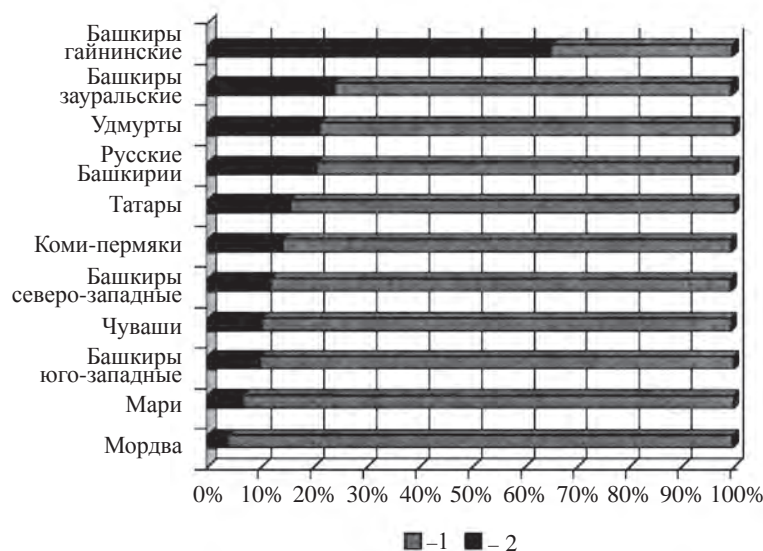

Рис. 11. Соотношение европеоидного (1) и монголоидного (2) компонентов митохондриального генофонда популяций Волго-Уральского региона (по Лимборской С.А. и др., 2002)

Fig. 11. Correlation of the Caucasoid (1) and Mongoloid (2) components of mitochondrial gene pool of populations of the Volga-Ural region (by Лимборская С.А. et al., 2002)

городов, в результате постоянного пополнения их за счет массового оседания представителей местных кочевых племен, а также проводимой ханами политики всеобщей мусульманизации населения происходит постепенное срастание монгольской кочевой аристократии с представителями городской верхушки, в которую проникают и выходцы из местных кочевых объединений (Федоров-Давыдов Г.А., 1973).

Поэтому в начале процесса формирования золотоордынского общества имела определенная зависимость между высоким социальным положением человека и его монголоидной внешностью. Именно черепа из “аристократических” районов некрополя Водянского городища обнаруживают признаки монголоидности. Однако уже к концу XIV в. монгольская аристократия оказывается втянутой не только в торгово-экономические, но и в бурные межэтнические процессы, происходившие в это время в Нижнем Поволжье.

Не последнюю роль в изменении антропологического облика аристократии золотоордынского города сыграли и своеобразные обычаи наследования у монголов. Дж.Плано Карпини оставил следующее замечание по этому поводу: “Между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из рода князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги” (Путешествия в восточные страны ..., 1957, с.36).

Не удивительно, что на некрополе Водянского городища в богатых кирпичных склепах, расположенных на территории мечети или мавзолея, хоронили людей вполне европеоидного облика. По всей видимости, сын монгола и, например, половчанки или болгарки мог занимать высокое социальное положение, осознавать себя монголом и иметь при этом европеоидную внешность. В равной степени не исключено, что среди городских бедняков были и люди с монголоидной внешностью.

Все эти сложные процессы и привели, по-видимому, к постепенной нивелировке социального и этнического факторов к моменту окончательного сложения в городе мусульманского погребального обряда. Реминисцентные черты изначальных обычаев и традиций улавливаются лишь в виде более или менее статистически достоверных тенденций.

Палеоантропологические материалы позволяют предполагать, что в поволжской степи монголы дольше сохраняли присущий им антропологический облик. Однако и здесь уже к XVI в. постоянный процесс культурной и генетической диффузии гетерогенных популяций приводит к формированию этнической общности, исторически получившей единое название – “татары”. В крупных городских центрах Улуса Джучи этот процесс шел с большей интенсивностью, чем в Степи.

После распада Золотой Орды каждая из многочисленных народностей, входившая в это многоэтническое и мультикультурное объединение, прошла относительно самостоятельный исторический путь

развития. Однако в этнографических материалах, относящихся уже к нашему времени, мы все еще можем проследить отголоски традиций и обрядов, существовавших у них в золотоордынское время. Так, есть сведения о том, что у казанских татар еще до начала XX в. сохранялся обычай социального уравнивания законных и внебрачных детей. Они по-прежнему производили захоронения в подбоях, клали умершего с разворотом на правый бок, лицом к Мекке (Знаменский П., 1910). Эти и другие данные свидетельствуют о том, что именно в золо-

тоордынскую эпоху зарождается процесс, уничтоживший старые этнические границы между группами домонгольского населения Поволжья. В результате этого процесса произошла трансформация домонгольских объединений в “татар” на Западе и в “узбеков”, “казахов” и “ногайцев” – на Востоке (Федоров-Давыдов Г.А., 1966).

Этнических монголов в Поволжье постигла такая же участь как и почти всех завоевателей – они постепенно растворились в общей массе покоренных ими народов.

Литература и архивные материалы

- Акимова М.С.**, 1964. Материалы к антропологии ранних болгар// Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М.
- Акимова М.С.**, 1973. Антропологические материалы из Танкеевского могильника// ВА. Вып.43.
- Алексеев В.П.**, 1964. Краниологические типы средневекового населения Северного Кавказа// Современная антропология. М.
- Алексеев В.П.**, 1967а. Антропологический состав средневекового города Маджары и происхождение балкарцев и карачаевцев// Учен. зап. Кавказо-балкарского н.-и. ин-та. Т.25. Нальчик.
- Алексеев В.П.**, 1967б. Золотоордынский форпост на Марийской земле// ВА. Вып.26.
- Алексеев В.П.**, 1971. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы а свете данных краниологии// Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. Казань.
- Алексеев В.П.**, 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
- Антропологический словарь**, 2003/ отв. ред. Л.Т.Яблонский. М.
- Ахинжанов А.Е.**, 1976. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана// Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата.
- Балабанова М.А.**, 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М.
- Бартольд В.В.**, 1928. История турецко-монгольских народов. Ташкент.
- Галстян А.**, 1960. Новые источники о монголах. М.
- Геллах Г.Ф.**, 1956. Мусульманские могильники как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Герасимова М.М.**, 1956. Скелеты древних болгар из раскопок у с.Кайбелы// ТИЭ. Новая серия. Т.XXXIII. Антропологический сборник. № 1. М.
- Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т.**, 1987. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М.
- Гинзбург В.В., Залкинд Н.Г.**, 1955. Материалы к краниологии казахов// СМАЭ. Т.XVI. М.; Л.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.**, 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.**, 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
- Дворниченко В.В., Коренько В.А.**, 1989. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье// Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Дебец Г.Ф.**, 1932. Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии// АЖ. № 1.
- Дебец Г.Ф.**, 1936. Палеоантропология СССР. Нижнее Поволжье// АЖ. № 1.
- Дебец Г.Ф.**, 1948. Палеоантропология СССР. М.; Л.
- Егоров В.Л.**, 1969. Причины возникновения городов у монголов в XIII-XIV вв.// История СССР. № 4.
- Егоров В.Л.**, 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Егоров В.Л., Полубояринова М.Д.**, 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг.// Города Поволжья в средние века. М.
- Ефимова С.Г.**, 1983. Антропология древнего населения Волжской Булгарии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Залкинд Н.Г.**, 1972. Краниологические материалы из Нового Сарая (Сарай-Берке)// ТМОИП. Т.43. М.
- Знаменский П.**, 1910. Казанские татары. Казань.
- Зяблин Л.П.**, 1955. О “татарских курганах”// СА. № 2.

- Исмагулов О.**, 1970. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата.
- Лимборская С.А., Хусунутдинова Э.К., Балановская Е.В.**, 2002. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. М.
- Мункуев Н.Ц.**, 1977. Заметки о древних монголах// Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
- Наджимов К.Н.**, 1955. О черепах Зливкинского могильника// КСИЭ. Вып.24.
- Плохинский Н.А.**, 1970. Биометрия. М.
- Поляков С.П.**, 1973. Этническая история северо-западной Туркмении в средние века. М.
- Постникова (Рудь) Н.М.**, 1967. Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Постникова (Рудь) Н.М.**, 1970. К антропологии средневекового могильника “Четырехугольник”// МИА. № 164.
- Постникова (Рудь) Н.М.**, 1973. К антропологии населения Волжской Булгарии. Антропологические материалы из могильника “Малый Минарет”// СА. № 3.
- Постникова (Рудь) Н.М.**, 1978. К антропологии сельского населения Волжской Булгарии// ВА. Вып.58.
- Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука**, 1957. М.
- Смирнов А.П.**, 1959. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань.
- Тизенгаузен В.Г.**, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб.
- Трофимова Т.А.**, 1936. Краниологический очерк татар Золотой Орды// АЖ. № 2.
- Трофимова Т.А.**, 1949. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии// ТИЭ. Т.VII. М.; Л.
- Трофимова Т.А.**, 1956. Антропологический состав населения г.Болгары в X-XV вв.// АС. № 1.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Халикова Е.А.**, 1976. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII в. как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Халикова Е.А.**, 1978. О могильнике Бабий бугор в Болгарах// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Ходжайов Т.К.**, 1969. Краниологические материалы XIII-XIV вв. н.э. (Миздахкан)// ВА. Вып.31.
- Шевченко А.В.**, 1980. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе)// Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. СМАЭ. Т.XXXVI.
- Яблонский Л.Т.**, 1975. Типы погребального обряда на мусульманских городских некрополях Золотой Орды// Вестник МГУ. Серия “История”. № 2.
- Яблонский Л.Т.**, 1978. Об этнической связи подбойных погребений мусульманского некрополя XIV в. Водянского городища// Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.
- Яблонский Л.Т.**, 1979. Некоторые результаты исследований мусульманского некрополя Селитренного городища в 1976-1977 гг.// ПИИЭ 1977 года. М.
- Яблонский Л.Т.**, 1980а. Мусульманский некрополь Водянского городища// СА. № 1.
- Яблонский Л.Т.**, 1980б. Население средневековых городов Поволжья (по материалам мусульманских могильников). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Яблонский Л.Т.**, 1980в. Типы погребального обряда на мусульманском некрополе Селитренного городища// ПИИЭ 1978 года. М.
- Яблонский Л.Т.**, 1987. Некрополи Болгара// Город Болгар. М.
- Яблонский Л.Т.**, 1999. Некрополи древнего Хорезма (археология и антропология могильников). М.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К.**, 1970. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент.
- Якубовский А.Ю.**, 1932. Столица Золотой Орды – Сарай-Берке. Л.

Summary

L.T.Yablonskii (Moscow, Russia)

ON PALEOANTHROPOLOGY OF MEDIEVAL POPULATION OF VOLGA REACHES

Physical appearance of the population of the Golden Horde resulted from interbreeding of representatives of two big races, i.e. the Mongoloid and the Caucasoid. The presence of the Mongoloid component is to

some extent manifested in the appearance of inhabitants of all the Golden Horde towns. Nevertheless, it is the Caucasoid features that prevailed in urban population.

Both archaeological and paleoanthropological evidence indicates that invasion of eastern tribes mostly influenced the formation of physical appearance of the population of the Lower Volga reaches. However, the Mongolian invasion cannot be considered as mass resettlement of eastern tribes in the European steppes.

Paleoanthropological evidence demonstrates probable similarity of the origin of some modern nationalities of the Volga region, such as the Kazan Tatars and the Chuvashs, with both Bulgarian and the proper Golden Horde (Lower Volga) anthropological components participating in their genesis.

It was in the Golden Horde epoch when a process which eliminated old ethnic borders between the groups of pre-Mongolian population of the Volga region started. This process resulted in transformation of the pre-Mongolian formations into the “Tatars” in the West and the “Uzbeks”, the “Kazakhs”, and the “Nogais” in the East. The ethnic Mongols in the Volga region shared the fate of almost all conquerors – they were gradually dissolved in the total mass of the peoples subjugated by them.

Статья поступила в редакцию в октябре 2007 г